

КРУПНЫЙ ПЛАН

Театр. курьер. - 2004. - февр. (№2). - с. 3

фото М. ВОРУЗДИНОЙ

ДЕВУШКА СО ШПАГОЙ

— У вас было такое спортивное детство — и вдруг вас потянуло в актрисы. С чего бы?

— Это не было «вдруг». Я рисовала, танцевала, пела, училась играть на гитаре и на пианино, потом как-то лет в двенадцать задалась мыслью: а как бы все эти занятия объединить? А поскольку я всегда очень хорошо писала сочинения, то и пришла к мысли, что надо стать театральным режиссером. Попала в театральную студию, там заигралась и вот... до сих пор играю.

— И сразу поступили? Почему не в родном Петербурге?

— В тот год в Питере курс набирал Фельштинский. И он меня не взял. Я подошла к нему, такая вот рыдающая девочка, и начала умолять, как это обычно бывает: «Пожалуйста, послушайте меня еще раз, я так плохо читала...» Он ответил: «Вы отлично читали, просто вы мне не нужны, поезжайте в Москву», — и пожал мне руку. С этим вот «божественным отпечатком», как под гипнозом, я пошла на вокзал, купила билет и поехала в Москву. 91-й год, когда я поступала, был очень сложный, началась инфляция, никто же не знал, что это такое и что с этим делать. А студенты — нищие, стипендия двадцать рублей, можно купить, например, хлеб и кефир и забыть на месяц обо всем остальном. У нас на курсе все подрабатывали, от усталости падали просто.

— И вы тоже подрабатывали? Газеты какие-нибудь разносили?

— Нет, я ходила к каким-то бабушкам пылесосить, потом стала работать на кабельном телевидении, потом преподавала технику речи.

— А как вы попали в свой первый сериал? Проходили кастинг?

— Конечно, проходила. Но на самом деле все — судьба. Вообще в актерской профессии очень сложно не стать фаталистом. Иногда происходят совпадения, которые могут показаться случайными, но потом все так закручивается, что думаешь: боже мой, кто же это придумал такую гениальную схему? Вот я вам расскажу, как попала в сериал «Черный ворон». Я редко бывала в Питере —

раз в два года, но каждый раз заходила в лентфильмовскую картотеку. Зашла и в тот раз, спросила, нет ли какой работы. Мне ответили: «Да вроде сейчас ничего особенного». Ну и до свидания. Заглянула перед уходом в кафе кофейку попить, и тут прибегает ассистентка: «Мне, — говорит, — в картотеке сказали, что вы приехали, а у нас тут запускается «Черный ворон», можете завтра подойти с режиссерами поговорить?». И когда на следующий день я увидела обоих режиссеров сериала, то сразу поняла, что буду сниматься в этом сериале. Так оно и получилось. То же самое, кстати, было с картиной Карена Шахназарова «День полнолуния». Я пришла в группу мерить костюмы, и вдруг на встречу мне вышли художник по костюмам и костюмер, улыбнулись и говорят: «Ой, какая девочка!» И ко мне пришло простое и легкое сознание, что я буду сниматься здесь, как будто меня только и ждали.

— По вашему рассказу все выглядит просто и легко. А на самом деле? У вас легкий характер?

— Скорее, нет. Я повышено свободолюбива. Если мне что-то не нравится, то начинаю я уговаривать себя: мол, другим людям тоже что-то не нравится, а они терпят. Но сколько бы я ни пыталась ломать себя, в какой-то момент срабатывал эффект бомбы. Я совершала резкие поступки, а иногда просто собирала сумку и уезжала в никуда. Сейчас я стараюсь не доводить себя до взрыва. Рассуждаю так: если меня что-то не устраивает, возможно, это мне просто не нужно? Почему я должна брать пример с других людей? И я меняю ситуацию так, как мне удобно. Иногда даже не считаясь с тем, что надо кого-то очень пожалеть. В конце концов это же не вопрос жизни и смерти! Человек в первую очередь должен защищать свои интересы.

— Мне эти ваши слова почему-то напомнили пословицу «Москва слезам не верит». Кстати, вы нормально здесь прижились или тайне мечтаете вернуться в Петербург?

— Я оказалась москвичкой по складу души. В Питере у меня возникает ощущение, буд-

то бы меня посадили на вулкан, вот сижу я на нем, и сейчас что-то случится. Необъяснимое ощущение тревоги и одновременно — безвыходности, без всякого повода. И поскольку ритм в Петербурге сонный, то ощущение этой бомбы с часовым механизмом усиливается, потому что ты должен сидеть смирно и не можешь никуда побежать. Там бежать не принято, да и, собственно, некуда! Московский бешеный ритм мне более подходит и климат, кстати, тоже. У меня после переезда сюда бронхиальная астма прошла.

— Впервые слышу, чтобы московский смог кого-то от чего-то вылечил...

— Да-да! Оказалось, что мне просто нужен смог — какая прелесть, да? Я помню, как летом, в жару, впервые в жизни увидела этот туманчик. Меня это просто потрясло, ведь до этого только в американских страшных книжках про такое читала. В Питере смога вообще не бывает, там ветры дуют, ясное, очень чистое небо. А еще меня всегда поражали московские летние ливни: бабах, и вдруг посреди ясного неба льет как из ведра. А поскольку Москва холмистая, то вода начинает ручьями стекать, потоками, а потом вдруг — раз! — и куда-то вся утекает, и через какое-то время опять сухо, все проходит. Наверное, из-за этого неровного рельефа москвичи на вопрос, как пройти куда-то, всегда отвечают: вверх по улице, вниз по улице. Я помню, что сначала не могла вообще понять, куда же мне идти-то? Зато здесь не знают, что такое поребрики.

— А что такое поребрики?

— А это то, что вы бордюром называете. Вообще, чем дольше здесь живешь, тем яснее осознаешь разницу. Хотя мне кажется, что я могла бы жить в любом месте. Мне гораздо важнее, не где я нахожусь, а с кем я, и самое главное — что я здесь делаю. Мне просто необходимо постоянно вибрировать от желания что-то создать, чего-то добиться!

— После «Черного ворона» вы проснулись знаменитой. Вы это ощущали?

— Нет, я вообще, когда выхожу со съемочной площадки или из театра, забываю о том, что я актриса. И иногда просто не могу понять: а что так на меня смотрят-то? Почему со мной здоровается эта женщина — она что, моя соседка? Еще хорошо, когда люди открыто говорят: «Ой, это вы снимались?» А когда просто на тебя поглядывают и шепчутся, возникает ощущение неловкости: одежда что ли у тебя порвалась или помялась, или ты села на окрашенную скамейку? А потом вдруг: ой! какая скамейка?! меня же сегодня опять по телевизору показывали!

— Почему вы все же вернулись в театр?

— Театр с его долгими мучительными обсуждениями, репетициями, рутинной — это единственное место, где актер может развивать свой профессионализм, нарабатывать штампы (в хорошем смысле этого слова). Когда я вернулась, мне сначала показалось, что я вообще не смогу выйти на сцену, что у меня ничего не получится. Честно говоря, и теперь не все еще получается... Я играю Аверкиеву во «Фроле Скобееве» и Машу в «Записной книжке Тригорина». Недавно было распределение ролей, и я получила роль Бланш в спектакле по Гюго «Король забывается». Это молодая девушка, жертва — трагическая роль. Честно говоря, мне сейчас кажется, что я переплакала в «Черном вороне», и хочется какого-нибудь глупейшего водевиля — два трипота, три прихлопа, только чтоб без драматизма.

— Вам нравится работать с Яшиным? Все-таки он видит вас как театральную актрису...

— Сергей Иванович прежде всего видит во мне ученицу, а я считаю его своим театральным папой, ведь он был первым моим режиссером. Еще в ГИТИСе он взял меня на роль Катерины в «Грозе», несмотря на то что я не имела никакого опыта вообще: на первом курсе мы только зайчиков-зверюшек изображали. Да и желающих сыграть Катерину было достаточно. Но почему-то Яшин выбрал меня. Возможно, он почувствовал, что у меня тогда было отчаянное душевное состояние, близкое героине в тот период. И до сих пор у нас существует взаимное уважение. Когда я пришла в Театр имени Гоголя и сказала: «Здравствуйте, Сергей Иванович», то знала, что мне не придется просить и он сам мне предложит работать. Так, собственно, и получилось, последовала фраза: «Да-да, я подумал, что бы ты могла делать у нас в театре».

— Я знаю, что вы пишете сценарии, вам не мешает, что вы человек «головной»? Вы готовы без лишних рассуждений подчиниться любой режиссерской идее?

— Мне иногда мешает, что я могу о чем-то задуматься, хотя в этот момент надо просто все делать ногами. Вообще в актерской профессии, так же как в сексе, мешает все, связанное с головой. Надо уметь быть глиной, уметь доверять режиссеру. Верить абсолютно, быть готовой воплотить любую его идею. Конечно, режиссер должен быть авторитетом. И если в сериалах это не так обязательно, то в театре просто необходимо, чтобы режиссер был уважаемой личностью для всех, кто ему подчинен. Тогда больше шансов на успех.

Ирина ТОДРИНА

Сергей Яшин

(№2) 09.04 (февр.)